

К СПОРАМ ВОКРУГ ОБРАЗА БАДЬИНА

(«Цемент» Ф. В. Гладкова)

Д. ЧЕПЕЛИТЕ

Немало было создано произведений, пытавшихся так или иначе запечатлеть картину жизни периода нэпа. Многие из них в свое время пользовались большим успехом среди определенного круга читателей, но лишь на долю немногих выпало счастье сохранить свою значительность по сей день. «Отступник» В. Лидина, «Завтра» Ю. Либединского, романы И. Эренбурга 20-х годов известны только историку литературы, в то время как «Цемент» Ф. В. Гладкова до сих пор привлекает внимание литературоведов, его знает каждый мало-мальски образованный читатель. «Цемент» прочно вошел в классику советской литературы рядом с «Чапаевым», «Железным потоком», «Мятежом» и другими произведениями 20-ых годов. Долговечность «Цемент» определило то, что Гладкову удалось с наибольшей полнотой и правдивостью в созданных образах и ситуациях романа запечатлеть самые характерные черты эпохи, дать художественный ее синтез. Положив в основу романа конкретный жизненный факт — восстановление цементного завода в Новороссийске — Гладков сумел подняться выше фактографии, простого бытописания картин разлуки и разгула нэпманов. Умение «глубоко чувствовать биение пульса нашей эпохи»¹, смотреть на совершающееся вокруг с высоты ленинского понимания исторического процесса и дало возможность писателю создать произведение большой обобщающей силы. Не случайно поэтому некоторые критики и восприняли «Цемент» как «монументальный памятник эпохе»², как произведение, где замечен переход «от кусков и осколков, от сценок и картинок, от фотографии и сказа к «искусству синтетическому и обобщающему»³.

В «Цементе» претворилось то требование Гладкова, которое он ставил перед подлинным художником. «Я утверждаю, — писал он в статье о работе над «Цементом» и «Энергией», — что высота и глубина художественных произведений нашей литературы определяются тем, насколько диалектика нашей эпохи нашла свое подлинное выражение в художественных образах, то есть насколько широко, сильно и ярко выражены в образах основные и жгучие проблемы современности, борьба, направленная на «изменение мира» и, следовательно, на переделку природы человека»⁴.

¹ Ф. Гладков, Отклик на постановление ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. — «О политике партии в области художественной литературы», «Журналист», 1925 г., № 10, стр. 8.

² Г. Якубовский, Литературные портреты, 1926, стр. 55.

³ В. Лежнев, Литературные заметки, «Печать и революция», 1925, № 7, стр. 134.

⁴ Федор Гладков, О литературе, М., 1955 г., стр. 17—18.

И действительно, «диалектика» начального периода строительства социализма пронизывает все образы «Цемент»а, все его сюжетные линии, придавая произведению особую целенаправленность, идейную ясность, выделяющую роман Гладкова среди произведений, посвященных изображению того же периода.

В работах, касающихся «Цемент»а, часто встречаешься с утверждением, что достоинство романа Гладкова в раскрытии темы труда. Слов нет, в «Цементе», действительно, эта тема разрабатывается, ей отведено много места, но представляется, что эта точка зрения страдает некоторой односторонностью, она ведет к суженному пониманию замысла Гладкова, а вместе с тем и значения романа. Как показывают выступления Гладкова, сам писатель не сводил проблематику книги к теме труда. Так, в письме критику Л. Н. Ульрих Гладков писал, что «неправильно характеризовать Гладкова только в теме труда»⁵. Хотя автор здесь не указывает конкретных произведений, которые он имеет в виду, но ясно, что эти слова в равной степени касаются и «Цемент»а, как и «Энергии», автобиографической тетралогии. В 1926 г. на диспуте по «Цементу» в своем выступлении Гладков, говоря о задаче, которая стояла перед ним во время работы над романом, сказал: «была задача отобразить эпоху начала нэпа»⁶. А несколько позже в статье о «Цементе» писатель так охарактеризовал это свое произведение: «Цемент» является художественной летописью начала социалистического строительства первого периода новой экономической политики»⁷.

Считая главным, определяющим в «Цементе» тему труда, критики исходят из той оценки, которую давал роману Горький. А он, как известно, главным достоинством «Цемент»а считал разработку темы труда. В письме от 1925 г. Горький писал Гладкову: «Разрешите сказать несколько слов о «Цементе». На мой взгляд, это — очень значительная, очень хорошая книга. В ней впервые за время революции крепко взята и ярко освещена наиболее значительная тема современности — труд. До Вас этой темы никто еще не коснулся с такой силой. И так умно»⁸. «Цемент» и я похвалил, потому что в нем взята дорогая мне тема — труд»⁹, — писал М. Горький Сергееву-Ценскому в 1927 г. В разговоре с моряками, посетившими Горького в Италии, он говорил о Гладкове: «Его «Цемент» одна из значительнейших вещей, настоящее произведение. Он, ведь, ставит один из величайших вопросов современности — вопрос о труде, о его дисциплине, то есть самое животрепещущее, и разрешает эту задачу прекрасно, и творческое начало выражено точно в лице рабочего, восстановителя завода»¹⁰.

Во всех своих высказываниях относительно «Цемент»а Горький не касается всего идейно-тематического содержания романа, останавливая внимание на более близких ему сторонах книги, главным образом на теме труда. Это и понятно. Именно данной стороной «Цемент»а как нельзя лучше отвечал тем требованиям, которые Горький ставил перед молодой советской литературой. В период появления романа Гладкова Горький был очень обеспокоен тем, что советские писатели больше всего интересуются деревней и очень редко касаются темы города, рабочего. Так, в 1925 г. Н. Арбут в своей статье «Читатель

⁵ ЦГАЛИ, ф. 1052, оп. 3, ед. хр. 154, л. 4.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 1157, оп. 1, ед. хр. 604, л. 5.

⁷ Федор Гладков, О литературе, М., 1955 г., стр. 24.

⁸ М. Горький, Собр. соч. в 30 т., т. 29, стр. 438.

⁹ Там же, т. 30, стр. 33.

¹⁰ Г. Якубовский, Ф. Гладков. — «Красная нива», 1926 г., № 26, стр. 15.

хочет романтизма» приводил отрывок из письма Горького, в котором писалось о том, что «...слишком много деревни, изображаемой идиллически. Кажется, что уже забыто существенно важное: революцию сделал и делает город. У молодых писателей героем чаще является деревенский парень — красноармеец, а рабочий реже. Неверно. И нехорошо... Много пишется о деревенском труде, и забыта поэзия городской работы, творчество рабочего»¹¹.

В «Цементе» Ф. Гладкова Горький и нашел то, чего он почти не видел в современной ему советской литературе. Кроме того, здесь нужно учесть и то обстоятельство, что тема труда занимает особое место в философской концепции Горького, проходит красной нитью через всё его художественное творчество, публицистику. Поэтому оценку Горьким романа Гладкова, определение им его достоинств и следует рассматривать в прямой связи с особым интересом родоначальника советской литературы к теме созидательного труда народа. А так как эта тема действительно получила свое художественное воплощение в «Цементе» и притом освещена в русле горьковских традиций, что не раз отмечалось критикой, то оспаривать правильность горьковской оценки не приходится. Ошибочным же и берущим свое начало в те времена, когда ко всем высказываниям Горького подходили некритически, всё принимая за стопроцентную истину, на наш взгляд, является склонность некоторых исследователей творчества Гладкова делать из горьковской оценки «Цемент» фетиш. А это, как и ставшее традиционным сопоставление романа с теми повестями и рассказами 20-ых годов, которые были посвящены теме труда, ведет к суженному пониманию идейно-тематического содержания книги.

«Цемент» — не только произведение о созидательном труде советского народа в первый год перехода к миру, в то же время это многоплановое произведение с широким охватом действительности в самых главных ее проявлениях. Здесь Гладков дал пример «художественного синтеза» эпохи, о необходимости перейти к которому он писал в 1924 г. в статье «Образ Ленина»¹². Глубокое знание жизни, а также умение пользоваться оружием марксизма-ленинизма помогли писателю выбрать правильную точку зрения при изображении периода перехода от военного коммунизма к новой экономической политике, найти самое главное в сложной диалектике самых противоречивых явлений и тенденций, что удавалось тогда лишь немногим.

В этом отношении интерес представляет не только та концепция эпохи, которая нашла свое выражение во всей образной системе романа, в его сюжете, но и авторская трактовка отдельных образов, обнаружившая способность писателя замечать и понимать то новое, что рождала жизнь.

Образам Чумалова, Даши, Клейста повезло: им посвящены целые статьи, многие страницы монографических исследований «Цемент», о них сказано много верного. Иначе обстоит дело с образом предисполкома Бадьина. В понимании его до сих пор нет ясности.

Споры вокруг него шли уже в критике 20-ых годов. Одни рассматривали Бадьина как образ «стойкого выдержанного коммуниста», «внешне противоречивого, внутренне цельного»¹³, как «тип революционера,

¹¹ «Журналист», 1925, № 10, стр. 16.

¹² Однодневная газета «Ленин», М., 1924, январь.

¹³ Д. Горбов, Итоги литературного года. — «Новый мир», 1925, № 12, стр. 132—133.

еще более образцового в своей выдержанности, чем Чумалов»¹⁴. Примерно так был воспринят образ Бадина и А. С. Серафимовичем. Он увидел в нем «тяжелый, многопудовый молот», каким «революция проламывает пути». Серафимович все прощал Бадину, считая, что его работа с избытком «все покрывает, все собой окупает, оправдывает...»¹⁵. Другие же критики, наоборот, в Бадине видели только черное, отталкивающее. «Бадин — профессиональный насильник (о других его «заслугах» в романе сказано мало!)» — категорически заявлял А. Кручёных¹⁶. «Бадин — это четкий крепкий тип бюрократа, понятого в отношении к массе. Бадин — прямая антитеза Глебу», — писал Гроссман-Рощин¹⁷. Была еще группа критиков и читателей, которые воспринимали этот образ как незаконченный, лишенный всякой определенности, ясности. Так, Вал. Полянский в своей в целом правильной статье писал: «Бадин очерчен грубо, неясно, необоснованно, непонятно и вызывает сплошное недоразумение»¹⁸.

В работах более позднего времени, посвященных анализу «Цемент», можно выделить две точки зрения в трактовке образа Бадина. Одни, как Брайнина¹⁹, Стахов²⁰, Старицын²¹, Ульрих²², считают, что в образе Бадина автор запечатлел руководителя, оторвавшегося от массы, заболевшего вождизмом, другие же, как Уханов²³, Киреева²⁴, Асадуллаев²⁵, Ершов²⁶, считают Бадина сознательно маскирующимся врагом, подпольщиком, хитрым контрреволюционером.

Откуда же столь противоречивые суждения по поводу этого образа, чем они вызваны? Ответ на этот вопрос следует искать в самом образе, в его сложности.

Создавая образ predispolкома, Гладков шел не от готовой схемы, а от самой жизни, сложной и порой очень противоречивой. Верность этому он сохранил на всем протяжении работы над романом. Правда, в более поздних редакциях видна тенденция к снижению образа. Писатель, например, удалил из текста ту положительную характеристику, которую давала Бадину Даша, так как она явно не соответствовала объективному смыслу его поступков. («...Товарищ Бадин — живой, товарищ Бадин — очень замечательный работник...» (164)). В законности такого рода поправок сомневаться не приходится. Однако Глад-

¹⁴ В. Лежнев, Литературные заметки. — «Печать и революция», 1925, № 7, стр. 136.

¹⁵ А. С. Серафимович, Собрание сочинений, ОГИЗ, М., 1948, т. 10, стр. 339.

¹⁶ А. Кручёных, «Цемент» Гладкова и хулиганство, Изд-во автора, М., 1926, стр. 5.

¹⁷ Гроссман-Рощин, Художник и эпоха, 1928 г., стр. 76.

¹⁸ Вал. Полянский, «Цемент» и его критики. — «На литературном посту», 1926, № 5—6, стр. 50.

¹⁹ Б. Брайнина, Федор Гладков. Очерк жизни и творчества, Госуд. изд-во худ. литературы, 1957, стр. 52.

²⁰ В. П. Стахов, Роман «Цемент» Ф. В. Гладкова, Автореферат дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук, Л., 1955 г., стр. 12.

²¹ Н. Д. Старицын, Роман Ф. В. Гладкова «Цемент», Автореферат дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук, Казань, 1955 г., стр. 16.

²² Л. Ульрих, Горький и Гладков, Ташкент, 1961 г., стр. 18—19.

²³ И. П. Уханов, Творческий путь Ф. Гладкова, Учпедгиз, 1953, стр. 64.

²⁴ А. Ф. Киреева, Отрицательный герой в романе Ф. Гладкова «Цемент». Уч. зап. гос. пед. ин-та, Саратов, вып. 17, каф. русск. и заруб. лит., 1955 г., стр. 81—83.

²⁵ С. Г. Асадуллаев, Роман Ф. В. Гладкова «Цемент», Автореферат дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук, Москва, 1959 г., стр. 17.

²⁶ Л. Ф. Ершов, Пафос творческого труда в советской литературе 20—30-ых годов. — Вопросы советской литературы, Л., 1958 г., кн. 7, стр. 86—88.

ков не убрал из романа весь материал, характеризующий Бадьина и с положительной стороны. И в последней редакции Бадьин — такая же сложная и противоречивая фигура, как и в первых.

С первого взгляда может показаться, что Бадьин представляет собой разновидность того героя-коммуниста, который был характерен для многих произведений 20-х годов, посвященных эпохе нэпа. Этот коммунист обычно изображался самоотверженным участником гражданской войны. Но переход к нэпу, необходимость менять тактику, действовать сообразно изменившимся условиям, приводили его в тупик, и он, растерявшись, или превращался в преступника, дав волю «стихийности» своей натуры (Дмитрий Векшин из «Вора» Леонова), или окончательно запутавшись, соблазненный девушкой чужого класса, кончал жизнь самоубийством (Курбов из романа Ильи Эренбурга). Литературных героев последнего типа и имел в виду А. Фадеев, когда говорил, что «у нас намечен тип коммуниста, специальностью которого является разлагаться под влиянием нэпа, обычно с участием зловредной женщины»²⁷. О постоянном варьировании сюжетной ситуации «любви коммуниста к неудобной девушке» не раз говорил и Горький.

Нельзя сказать, что подобные ситуации не встречались в жизни в ту сложную эпоху, что писатели выдумывали их. Нет, писатели здесь шли от жизни и в своих произведениях старались воссоздать правду жизни. Однако непонимание всей сложности переживаемого периода, скольжение по поверхности жизни, нечеткость, а порой и незрелость мировоззрения не позволяли им подняться до настоящей правды истории. Взявшись за изображение некоторых теневых сторон нэпа, не сумев отличить главное от случайного, они тем самым теряли чувство исторической перспективы и оказывались не в состоянии затронуть большие и важные стороны эпохи.

Гладков тоже связывает образ Бадьина с периодом перехода к нэпу, но он ставит его в центр коллизий, которые несравненно глубже и содержательнее. Не явления частной жизни, не факты, лежащие на поверхности, интересуют Гладкова. Внимание его приковано к глубинным процессам общественного порядка в их поступательном развитии. Сложность самой жизни, как убедительно показывает Гладков, определяет сложность и некоторую противоречивость характера Бадьина, которого Гладков в письме своему немецкому корреспонденту Нейгаузу охарактеризовал как «крепкого работника и партийца, большого формалиста, поглощенного только своей административной работой...», «эгоиста в личной жизни и требовательного, честного дельца в общественной работе»²⁸.

Чтобы убедиться в этом, проследим за тем, как на страницах романа раскрывается образ predisполкома. Вот глава «Пределы», сцена столкновения predisполкома Бадьина с волпредисполкомом Борщом, свидетелем которой невольно становится Чумалов, пришедший к Бадьину, чтобы решить вопрос о пуске завода.

Бадьин приказывает Борщю в течение месяца провести кампанию по сбору дополнительной нормы продразверстки и возврату семсуды, в случае же невыполнения данного приказа Борщий будет сурово наказан, и в этом не надо сомневаться, так как он, Борщий, прекрасно знает, что predisполком не бросает слов на ветер, что каждое его слово — закон.

²⁷ А. Фадеев, На каком этапе мы находимся.— «На литературном посту», 1927 г., № 11—12, стр. 5.

²⁸ ЦГАЛИ, ф. 1052, оп. 5, ед. хр. 206, л. 9.

Борщий пытается доказать Бадью несовременность данного мероприятия, говорит о необходимости во что бы то ни стало отложить возврат семсуды до будущего года, ибо этого требует положение дел: продразверстка проводится с осени четвертый раз, все, что можно было взять у крестьян, взято, а новые сборы лишь вызовут их возмущение, увеличат число врагов.

Все эти объяснения волпредисполкома повисают в воздухе. Позиция Бадья по отношению к ним такова, что Борщий, этот храбрый вояка, который нагонял страх на врагов, теперь вынужден отступать. Влажные глаза, дрожащий голос, вялая походка выдают сильное его волнение, но делать нечего, с Бадьиным шутки плохи: не выполнишь его приказа — отечай своей головой.

Те стороны характера Бадья, которые он обнаружил в этой сцене, становятся еще отчетливее в последующей сцене разговора Чумалова с Бадьиным. Ввиду ее емкости и важности для характеристики предисполкома, приведем ее лишь с небольшими купюрами.

«— По постановлению ячейки и общего собрания рабочих мы решили доставить дрова из лесосек механической силой завода,— так начинает Чумалов свой деловой разговор.— Вопрос этот уже согласован с парткомом и совпрофом. Два-три воскресника по профсоюзам — и мы спустим к вагонам горы дров. Дровяная повинность — ерунда: мужики разбегутся в бандиты. А на баржах побережья не взять: баржи погнали и разбиты волнами. Вот. Моя фамилия — Чумалов, слесарь завода, военком полка.

— Этот вопрос — только часть большого вопроса, товарищ предисполком. Я имею в виду другое. Что вы думаете, например, о пуске завода, если возникнет необходимость коснуться этого в скором времени?

Бадьян немигающим взглядом смотрел на Глеба, и в глазах его вспыхивали золотые искорки. Он отвалился на спинку кресла. Веки заиграли в судорожной дрожи.

...
— О заводе пока помолчим, товарищ Чумалов. Пустить завод — не в нашей власти. А вопрос о сооружении бремсберга я поставлю на ближайшем заседании Экосо.»

На возражение Чумалова, что преступно откладывать решение этого вопроса, следует ответ Бадьяна:

«— Товарищ Чумалов, мы умеем ставить вопросы не хуже вас. Надо исходить из конкретной обстановки. Помимо Госплана мы не можем решать самостоятельно вопросов, имеющих общегосударственное значение.»

И дальше спор становится все острее.

«— Я очень хорошо понимаю общегосударственное значение, товарищ предисполком. Я и говорю об общегосударственном значении. Если вы варите лапшу в Экосо, почему не выдвигали там вопрос с этого бока?

— Придет время, поставим вопрос и с этого бока, товарищ Чумалов. Все зависит от перспектив новой экономической политики. Этот момент — не за горами.

— Я думаю так, товарищ предисполком: мы, коммунисты, не только должны быть точными исполнителями директив и предписаний, но и... самое главное... орудовать мозгами насчет инициативы и творчества.

Бадьян завертел ручкой телефона, и опять в глазах его, сквозь холодную насмешливую улыбку, прошла черная муть. А Глеб не глядел на него, пыхал трубкой, уминая пепел на копотном рыльце.

...Две силы — он, предисполком, и рабочий Чумалов — столкнулись и высекли искру. Что горит в глубине глаз этого человека? Зверь? Герой? Ревнивый самец?

— Всякий хозяйственник, товарищ Чумалов, тем ценнее, чем больше и крепче он ставит свою работу на то, что у него горит под пяткой. Правило: не целое, а — часть; не сказка, а — кусок хлеба. Вы знаете, что нам угрожают бандиты? Они окружили нас волчьим гнездом. Борьба с ними требует затраты тех сил, которые до зарезу нужны для восстановления хозяйства. Нужен новый метод борьбы с ними

и новые диспозиции. Ваш проект о пуске завода — нелеп: вы не учитываете хозяйственной конъюнктуры. И если вы сумеете сейчас поставить снабжение города топливом, вы совершите настоящий героический подвиг.

Глеб вынул трубку и в упор посмотрел на Бадьина. Почему этот черномазый не понимает самых простых вещей?

— Вас, товарищ predisполком, заели блохи, и вы гоняетесь за каждой с молотком. Красная армия махала тысящи верст и била по целым антантам*, а ваши кусочки плодят только дармоедов. А что вы конкретно сделали для восстановления производства? Ничего. А этот вопрос надо ставить в упор и во весь обхват. Мы уперлись сейчас в него всем лбом.

— И это я знаю не хуже вас, товарищ Чумалов. Мы об этом говорим на каждой партконференции, на съездах советов и профсоюзов: производительные силы, экономический подъем Республики, электрификация, мелиорация и прочее. А где у вас для этого реальные возможности?

— Есть.

— Укажите их.

— Есть. Вы знаете, на что давит сейчас рабочий? А чем дышит мужик — вам известно? Мы только топтали мужицкие поля, а теперь их надо пахать. Я это очень хорошо знаю. Я двигал этим три года. Пока не задымят трубы, мужик будет бандитом.

Предисполком усмехнулся, и в глазах его потух огонек любопытства.

— И это — не ново, товарищ Чумалов. Об этом на днях будут говорить на десятом съезде партии.

Ага, вот вам и не ново... Новы не слова, а дела»²⁹.

Между обоими этими эпизодами существует тесная связь. Внешней ее стороной является образ predisполкома Бадьина, а внутреннее ее содержание составляет тема современности, те актуальные проблемы, которые являются основой споров Бадьина с Борщием и Чумаловым. Вторая сцена — естественное продолжение первой, так как она расширяет наше представление о характере Бадьина, а с другой стороны, углубляет, дополняет те вопросы, которые уже были в какой-то мере затронуты в предыдущей.

С первого взгляда может показаться, что в только что приведенном эпизоде речь идет исключительно о пуске завода, в то время как спор Борщия с Бадьиным не имеет прямого отношения к основной сюжетной линии романа, что и дало повод некоторым критикам упрекать Гладкова в том, что ряд эпизодов «Цемент» стоит особняком от центральной темы, нарушая композиционную цельность романа. Такое обвинение можно сделать лишь в том случае, если к «Цементу» подходить только как к роману о труде, о восстановлении завода, а это, как уже отмечалось, не соответствует действительности. И в самом деле — даже такой эпизод, как эпизод первой встречи Чумалова с Бадьиным ни в коем случае не исчерпывается темой восстановления завода. Писатель так строит эту сцену, что тема возможности пуска завода постоянно переплетается с другой, разговор из сферы хозяйственной время от времени переключается в сферу общественно-политическую, что, пусть и не в такой степени, характерно и для предыдущей сцены. Именно эта особенность, образ Бадьина, постановка актуальных проблем экономической и общественно-политической жизни и делает обе эти сцены органически связанными между собой.

Как же в них раскрывается образ Бадьина, решаются поставленные здесь вопросы?

* В более поздней редакции романа дальше следуют слова: «во имя большой идеи — социализма, только этим был жив человек, на этом он рос и ковался заново» (см. Ф. Гладков, собр. соч. в 8 т., т. 2, стр. 92.) Это, казалось бы, незначительное дополнение должно было подчеркнуть высокую сознательность Чумалова, глубокое понимание им целей борьбы с врагами революции.

²⁹ Федор Гладков, Цемент, 12 изд., печатающееся по вновь пересмотренному автором 11 изд. «Земля и Фабрика», Москва—Ленинград, 1928, стр. 123—126. В дальнейшем все ссылки будут делаться по этому изданию.

И в первом, и во втором эпизодах predisполком стоит перед необходимостью решения крайне важных для переходного периода проблем, которые, как лакмусовая бумага, проясняют характер Бадьина и других героев. Как в сцене столкновения с Борщием, так и в споре с Чумаловым Бадьин обнаруживает свою полную неспособность самостоятельно ставить и решать те задачи, которые выдвинула сама жизнь. Бадьин весь во власти тех предписаний, указаний, которые даны сверху. Так, он не только что не считается с возражениями Борщия, более того — он даже не находит нужным вникнуть в их суть. Predisполком здесь руководствуется не соображениями, основанными на хорошем знании конкретной обстановки, пониманием последствий, которые могут быть вызваны такими действиями, ему важно лишь одно: полученная им свыше директива должна быть проведена в жизнь, несмотря ни на что. Привыкнув к таким методам работы, когда он слепо повинуетсЯ вышестоящим, а ему, в свою очередь, повинуются нижестоящие, Бадьин не понимает и не старается понять, что теперь не 1918, не 1919 годы, а уже 1921 год, что за это время обстановка в стране сильно изменилась, возникла необходимость менять тактику по отношению к крестьянству, что понимает Борщий, выступающий с совершенно законным требованием. Пройдет немного времени, и сам Бадьин вынужден будет признать это, но понадобится толчок — решения X съезда партии, которые снимут с predisполкома необходимость брать на себя ответственность при решении такого важного вопроса, каким в то время был вопрос отношения к крестьянству.

Таким же предстает Бадьин и в сцене первой встречи с Глебом Чумаловым. Predisполком согласен с предложением Чумалова восстановить бремсберг, но он, как и Жидкий, возражает против пуска завода, мотивируя свою позицию тем, что «помним Госплана» они не могут решать такие важные вопросы, что нужно подождать специального решения вышше.

Наверно, позиция predisполкома, которую он отстаивает в этой сцене, и дала повод некоторым критикам принять Бадьина за «хитрого, ловко маскирующего свое лицо за революционными фразами» противника советской власти, сущность которого проявляется «в его отношении к восстановлению завода»³⁰. Но нам представляется, что дело обстоит не так. Корни позиции Бадьина по отношению к пуску завода и к другим важным вопросам нужно искать не в его враждебности к строительству новой жизни, а в тех условиях, которые породили тип, подобный анализируемому писателем в образе Бадьина. На это указал и сам Гладков в письме Горькому, упрекнувшему автора в том, что «Бадьин затяжелел». Отвечая Горькому, Гладков писал в 1926 году: «Но это — тип. Такие советские администраторы почти всюду на местах. Это — порождение эпохи военного коммунизма»³¹. К сожалению, данное высказывание Гладкова не учитывается, когда речь идет о Бадьине, о социально-исторических причинах, сформировавших его.

Это было трудное время созидания советской власти, утверждения пролетарской диктатуры. На развалинах старого, буржуазного государства строилось новое. Партия, которой приходилось осуществлять эту задачу, не имела ни должного опыта, ни подготовленных кадров, ни средств. Притом осуществление данной задачи затруднялось тем, что страна была разорена экономически, свергнутые классы бешено сопро-

³⁰ И. П. Уханов, Творческий путь Ф. Гладкова, Пособие для учителей средней школы, М., 1953, стр. 34.

³¹ ЦГАЛИ, ф. 1052, оп. 5, ед. хр. 187, л. 5.

тивлялись строительству новой жизни, иностранные государства черной лавиной обрушивались на молодую страну Советов. Чтобы удержать в руках завоевания революции, необходимо было силой оружия подавлять сопротивление внутренних и внешних врагов. Интересы сохранения власти и строительства социализма вызвали необходимость введения военного коммунизма. В условиях гражданской войны, иностранной интервенции и разрухи политика военного коммунизма, введение продразверстки были суровой необходимостью.

Всё это соответственно обуславливало и характер партийной работы. Так, резолюция VIII съезда РКП(б) указывала, что сейчас «строжайший централизм и самая суровая дисциплина являются абсолютной необходимостью. Все решения высшей инстанции абсолютно обязательны для низших. Каждое постановление должно быть прежде всего выполнено, и лишь после того допустима апелляция к соответствующему партийному органу. В этом смысле в партии в данную эпоху необходима прямо военная дисциплина»³².

В таких условиях и выработался определенный метод партийной работы, выразившийся в тяготении «к системе боевых приказов, которые беспрекословно выполнялись без обсуждения рядовыми членами партии»³³. Получалось своего рода противоречие: с одной стороны, власть народа, предполагающая самый широкий демократизм, участие всех трудящихся в деле управления страной, в решении важнейших вопросов строительства новой жизни, а с другой стороны, — сужение демократизма, свертывание коллективных начал в партийной работе, частичная подмена принципа демократизма методами военного, административного характера, сковывание самостоятельности и инициативы нижестоящих организаций, рядовых членов партии.

В свете сложного переплетения всех этих условий Гладков и рассматривает образ Бадьина, открывая в художественном синтезе эпохи такие грани, которые остались не замеченными многими писателями. В упомянутых сценах Бадьин и обнаруживает те черты своего характера, которые могли сформироваться в период военного коммунизма под воздействием суровой обстановки той эпохи.

Очень важным для понимания сущности образа Бадьина, а также для понимания позиции Гладкова в осмыслении некоторых вопросов жизни изображаемого периода является тот факт, что образ предисполкома во многих эпизодах раскрывается Гладковым рядом с образом Глеба Чумалова, путем противопоставления одного образа другому. Это противопоставление не имеет целью подчеркнуть враждебность Бадьина делу строительства новой жизни, раскрыть лицо хитрого двурушника, как склонные считать некоторые критики. Смысл этого противопоставления другой.

Бадьин и Чумалов в изображении Гладкова не стоят по разные стороны баррикад, не представляют собой двух классово-враждебных лагерей. И Бадьин, и Чумалов по-своему преданы интересам нового государства, но дело в том, что у них разное понимание того, как в данный момент, в период перехода от военного коммунизма к нэпу, нужно ставить и решать конкретные вопросы хозяйственного и партийного руководства.

Беда Бадьина в том, что в годы гражданской войны, военного коммунизма он привык, с одной стороны, действовать методом «боевых приказов», о чем свидетельствует и его разговор с Борщием, сам тон

³² КПСС в резолюциях, М., 1953, ч. I, стр. 444.

³³ Там же, стр. 517.

его обращений к вопрежнему, а с другой стороны, во всем подчиняться указаниям сверху, ссылаться на них. Так он отучился самостоятельно анализировать обстановку, решать ответственные задачи. Он не в силах понять, что не может быть, как указывалось в резолюции X съезда партии, «абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса, формы партийной организации, а равно и методов ее работы», что «форма организации и методы работы всецело определяются особенностями данной конкретной исторической обстановки и теми задачами, которые из этой обстановки непосредственно вытекают»³⁴. Не замечая изменений в окружающей его обстановке, он продолжает работать по-старому, руководствуясь теми методами, которые вполне оправдывали себя в период военного коммунизма, но теперь кажутся явно негодными, устаревшими.

Налицо тут и боязнь Бадина личной ответственности, что М. И. Калинин справедливо считал проявлением бюрократизма. «Мне думается,— указывал он,— что одним из мощных условий, вызывающих бюрократизацию нашего аппарата, является желание снять с себя всякую ответственность»³⁵. И в другом месте: «Бюрократизм — это такое состояние, когда человек решает вопрос механически, инстинктивно,— формально, не входя в существо вопроса»³⁶.

И формализм, и боязнь риска, ответственности, и неспособность вникнуть в суть того или другого предложения — все это более или менее характеризует позицию Бадина в разговоре с Борщевым, а еще больше в спорах с Чумаловым. С точки зрения тех задач, которые встали перед страной, отразившей натиск внутренних и внешних врагов, и которые во весь рост будут поставлены в выступлениях Ленина на X съезде партии, не Бадин здесь предстает как «многопудовый молот» революции, а Чумалов, позиция которого выражает ленинскую линию партии.

Неумению и нежеланию Бадина «орудовать мозгами насчет инициативы и творчества», его неспособности проявить «активность, самостоятельность и инициативность»³⁷, чего в этот период партия требует от своих членов, его правилу видеть то, что лежит «под пяткой», Гладков противопоставляет творческий и глубоко партийный подход Чумалова к решению актуальных вопросов строительства новой жизни, его прозорливость, размах. Чумалов — не наивный «одержимый мечтатель», как не без некоторой доли иронии думает о нем Бадин: мечта его не расходится с жизнью, так как она основана на глубоком понимании диалектики настоящего, на умении заглянуть вперед. Бадин же не в состоянии «стать выше злободневного факта»*, борьба с бандитизмом ему кажется главной задачей на данном этапе, когда Чумалов ставит вопрос шире и глубже — надо подорвать ту основу, которая рождает бандитизм.

Каждый из героев уже в первую минуту встречи обнаруживает те качества, те черты характера, которые глубоко чужды другому, а это не может не вызвать в них чувства взаимной вражды, настроить одного против другого... «Сцепились глазами, отчужденные, почуявшие силу в борьбе. Каменная холодность, неподвижность predisполкома давила Глеба, а Глеб упрямо и сумбурно дробил тишину и деловой административный порядок булыжными словами» (122), — так передает Гладков начало конфликта между Бадинным и Чумаловым. Эпитеты, которые

³⁴ КПСС в резолюциях... М., 1953 г. ч. I, стр. 516.

³⁵ М. И. Калинин, Избр. произв., т. I, стр. 677.

³⁶ Там же, стр. 575.

³⁷ КПСС в резолюциях... М., 1953, ч. I, стр. 520.

* Так характеризует Бадина Чумалов в более поздней редакции «Цемент».

писатель использует при характеристике одного и другого, очень хорошо раскрывают главное в них.

О глубоком проникновении писателя в изображаемую им эпоху, о правдивости образа Бадьина говорит и тот факт, что многие социально-исторические явления, художественно осмысленные и синтезированные в образе predispolkoma, сплошь и рядом анализируются в работах Ленина, а также в целом ряде партийных документов той поры. Так, в резолюции X съезда РКП(б), кроме всего прочего, подчеркивалось, что крайний организационный централизм и свертывание коллективных начал в партийной работе развивали тенденцию превращения этой централизации «в бюрократизацию и отрыв от масс»³⁸.

Гладков очень правильно подметил, что его герой в силу привычки во всем строго подчиняться приказаниям высших инстанций, не раздумывая над их сутью, целесообразностью в тех или иных конкретных условиях, в силу потери способности самостоятельно ставить и решать важные вопросы хозяйственной и партийной жизни не мог не оборотиться, превратиться в кабинетного работника, далекого от жизни, оторвавшегося от народных масс, не знающего теперешних их интересов и настроений. И действительно, Бадьин в изображении Гладкова не только что неповоротлив, пассивен, но, кроме того, его работа носит преимущественно кабинетный характер. Стены кабинета отгородили его от жизни народа. Это очень хорошо выражено и в описании внешности героя, окружающей его обстановки. На стуле у дверей кабинета predispolkoma сидит верный страж — бородатый курьер. Каждого желающего пройти в кабинет останавливают бумажки на дверях, гласящие: «Без доклада не входить», «Predispolkom принимает только по строго деловым вопросам», «По экстренным делам прием вне очереди только через Секретаря Исполкома». Секретарь Пепло — не менее важная преграда для всех, кто посмеет нарушить заведенный здесь порядок. Самым важным он считает соблюдение очереди, когда дела, с которыми приходят посетители, ему уже заранее кажутся одинаково безликими, они меньше всего интересуют Пепло. Детали портрета Бадьина, «человека в черной куртке», тоже оттеняют отчужденность его от кипучей окружающей жизни, от масс, делают его похожим на улитку, боящуюся соприкосновения с соседним миром.

Бадьин до того свыкся с такими методами работы, что кабинетное руководство, кабинетное знакомство с жизнью считает высшим принципом своей деятельности. На упрек Даши Чумаловой, что они, ответ-работники, видят рабочий класс только из своего кабинета, Бадьин резонно отвечает: «Ты ошибаешься. Кабинет ответработников — ближе к рабочему классу, чем такие сутяги, как, например, твой хороший товарищ Жук, потому что через кабинет проходит всё, начиная от сложных государственных вопросов, кончая мелочами быта...» (155).

Тут чувствуется даже какое-то стремление Бадьина оправдать свое обособление, подведя под всё это философскую базу. Но все, кому приходится иметь дело с Бадьиным, которые так или иначе вынуждены соприкасаться с его методами руководства, прекрасно сознают их несостоятельность, вредность настоящему делу, видят в них тормоз на пути дальнейшего движения. «Башку нужно рогагую, чтобы прошибить жеребую вашу бюрократию...» (118), — негодует рабочий Жук. «Чортова машина! Чтобы заставить ее работать, ее надо сломать» (117), — так посредством несобственно-прямой речи передает автор отношение

³⁸ КПСС в резолюциях... М., 1953, ч. I, стр. 518.

Чумалова к заведенному у Бадьина порядку, в котором он усматривает ненужное «генеральство». «Рабочему человеку пробраться к вам, товарищ predisполком, так же туго, как взять Перекоп» (122), — несколькими минутами позже бросает он в лицо «человеку в черной коже».

Раскрывая перед читателем образ Бадьина, Гладков подчеркивает в нем и такую черту, как комчанство, что Ленин в 1921 году назвал одним из трех главных врагов, «которые стоят сейчас перед человеком, независимо от его ведомственной роли... если этот человек коммунист»³⁹. Комчанство Бадьина вытекает из той атмосферы бюрократизма, ограничения принципов демократии, которая окружает его. Пользуясь тем, что занимает ответственный пост, Бадьин требует почтительного отношения к своей персоне, к своему чину. Он непомерно строг к нижестоящим и не переносит критики снизу. Так, Жука, посмевшего публично обличать ответработников в «бюрократизме и волоките», он называет «склочником» и считает, что подобных ему «надо обязательно гнать из партии», хотя другие, как Даша, например, считают Жука «крепким коммунистом» и в отношении Бадьина к Жуку видит комчанство.

Запершись в четырех стенах кабинета, отгородившись таким образом от окружающей жизни, Бадьин не мог не оторваться и от народа, от его интересов. Бадьин и с этой стороны — прямая противоположность Чумалову.

В самом деле, Чумалов во всем опирается на народ, на рабочих, в своих действиях он исходит из их интересов, когда Бадьин руководствуется предписаниями вышестоящих органов. Характерно и то, что писатель Чумалова чаще всего показывает среди рабочих, в окружении народа: его видим на заводе, на собрании, на субботнике, отбивающим атаки белых... И везде Глеб слит с окружающим его народом, он сросся с ним. Бадьина же чаще всего видим в кабинете, и, думается, что это умышленный прием художника. Бадьин сторонится народа, ибо считает, что руководить лучше из кабинета. Появление его среди рабочих, крестьян носит другой характер, чем у Чумалова — оно бывает вынужденным особыми обстоятельствами и выгодными для него, так как здесь он может показать свою власть, полюбоваться своей силой руководителя, вождя. В противоположность Чумалову Бадьин и здесь никогда не сливается с окружающей его массой. Он всегда, как верно заметил Жидкий, «над массами, оторван от масс» (301).

Примечательной в этом отношении является и та поза, которую он принимает каждый раз, когда приходится выступать перед народом. В ней чувствуется что-то такое, напоминающее каменную статую, гранитный монумент, гордо возвышающийся над всем окружающим. Недавно Гладков постоянно, когда речь идет о Бадьине, упоминает «каменный его постав», «металлически-трубный» голос, «неповдвижное» лицо с «бронзовым отливом», «металлический блеск кожи» его куртки, «стеклянный блеск глаз», что и дает повод сравнивать его с «чугунным истуканом», монументом, образ которого часто сопровождает Бадьина, варьируясь на разные лады. «Бадьин опирался грудью о край стола и молчал, глухой и тяжелый: толкни — не столкнешь, ударь — не почувствует» (373).

В бадьинской позе постоянно чувствуется не только любованье собой, сознание своей значительности и силы, но также и презрительное отношение к нижестоящим. В этом отношении очень показательным является описание позы Бадьина во время торжества по случаю пуска завода. «...Бадьин опирается руками о перила, и плечи его поднимаются

³⁹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 54.

выше затылка. Он смотрит вниз, на толпы, на гору, живую от человеческих масс, и в упругих движениях его мускулов, насыщенных здоровьем, в зорких поворотах головы, в небрежной его обособленности,— сознание своей силы, значительности и гордости вождя» (384—5).

Думается, что не случайно это описание Бадьина передано через восприятие Чумалова, так как именно последний, с его глубоким демократизмом, близостью к народу, простым рабочим, к их интересам, особенно нетерпим к генеральству Бадьина, к его барскому отношению к своим подчиненным. И естественно, что из уст Чумалова вырывается гневное «Карьерист!», характеризующее одну из сторон духовного облика Бадьина.

Подобная поза, как и любовь к атрибутам власти, не может не отталкивать Чумалова, для которого важнее всего интересы народа, суть дела, а не его внешняя сторона. Он горячо протестует против предложения отметить его, как героя труда: «Это надо исключить. Какие герои труда? Какие это великие подвиги совершили, чтобы — в герои труда?.. Я не только о себе говорю...» (372). «Если я — герой, так все же герои...» (391). Он не хочет выделять себя, обособиться этим от других, возвыситься над ними. Такой поступок Чумалова у Бадьина вызывает удивление, он ему кажется наивным и смешным. «Я желаю подчеркнуть, что чинодральство это ваше надо жечь каленым железом... Я возражал и буду возражать против предложения товарища Бадьина и товарища Лухавы*. Если товарищу Бадьину так нужно, пристегните ему героя труда в партбилет: пусть едет командовать с этой новой нашивкой» (373), отвечает на это Чумалов, словом «командовать» метко характеризуя отношение Бадьина к подчиненным, несовместимое с демократизмом первого. На этой основе между ними опять возникает вспышка ненависти. И теперь «в мутных глазах Бадьина увидел Глеб чугунную ненависть. Тогда, весной, в его глазах также мутно наплывала густая волна, но там было другое: там была настороженность и вражда к его силе. Тогда было любопытство и что-то другое, чего он не мог понять — тяжкое, нечеловеческое, живущее в крови...» (374). Эту ненависть к Чумалову вызывает сознание Бадьина (а убедиться в этом он мог не один раз), что методы работы Чумалова подрывают его, исполкома, власть, авторитет. Что это так, подтверждает и сцена из главы «Тихий ход», где Бадьин и Лухава выступают перед рабочими райлеса, возмущенными беззакониями со стороны совнархоза.

Предисполком заранее любит властью своих слов, которые должны сразу оказать организующее воздействие на взбунтовавшихся рабочих. «Он смотрел не мигая и ждал: пройдет еще несколько мгновений, и толпа подорвется, оседет — будет по-бараньему рыхлой и покорной» (259). Сколько здесь самоуверенности и презрительного, барского отношения к своим подчиненным! Но Бадьин обманулся в своих ожиданиях: «металлически-неподвижное и твердое лицо» предисполкома, резкий тон его речи не произвели на собравшихся ожидаемого впечатления. Рабочие послушались Лухавы, поддались власти его «пронзительного, по-птичьи тревожного голоса», его обещанию наказать виновных. Поведение Лухавы Бадьин воспринял как вызов себе, как подрыв собственного авторитета. И он ставит Лухаве в вину то, что последний посмел разрушить «без постановления Исполкома аппарат Райлеса» (260). Эта смелость и решительность Лухавы, самостоятельное решение важного вопроса через голову высшей инстанции, что в глазах

* В более поздних редакциях Гладков опустил слово «Лухавы», по-видимому, желая этим больше оттенить Бадьина, подчеркнуть его страсть к «чинодральству».

Бадьина выглядит как нарушение закона, как преступление, и вызывает в нем вспышку глубокой ненависти к Лухаве. Случай этот помогает глубже понять ту враждебность и ненависть, хотя иногда и скрываемые от посторонних глаз, которые испытывает Бадьин по отношению к Чумалову.

Конфликт Бадьина—Чумалова не исчерпывается общественно-политической линией, характеризующей лишь одну сторону облика Бадьина. Конфликт, развивающийся на этой основе, постоянно сопровождается конфликтом, строящимся на личном, семейном. Гладков нигде не подменяет первое вторым, а очень искусно дополняет одно другим, что и придает конфликту особую жизненность и художественную убедительность, а также драматическую напряженность. При таком построении конфликта Бадьин не раздваивается,— и в личной жизни он остается самим собой. Культ власти, упоение собственной силой, которую дает власть, проявляются не только на поприще общественной работы, но и в быту.

Если в плане общественном, служебном мы видим Бадьина — бюрократа, с его презрительным отношением к подчиненным, исповедующим вождизм, то в личной жизни, в быту все это нашло свое выражение, главным образом, в его моральной нечистоплотности по отношению к женщинам. Как и там, так и здесь он привык все брать сразу, чувствовать свою силу и власть. Но вот Бадьин встретил Дашу Чумалову. Если другие женщины его внимание задерживали ненадолго, он их скоро забывал, так как победа не требовала никаких усилий, то Даша оказалась исключением. Он впервые встретил женщину, которая пробудила в нем интерес именно своей недоступностью, силой, тем, что она была «не похожа на других женщин», что она, «поводырь городских пролетарок, каждый день упрямо сколачивала боевые бабьи отряды и сама утверждала свое место среди мужчин», и «предисполком Бадьин не в силах был подойти к ней так, как он подходил к другим женщинам» (123). Самостоятельность, деятельность, то, что вызвало неприязнь Бадьина к Чумалову, пробудило в нем глубокий спортивный интерес к Даше. Впервые вместо «былинки», которую можно переломить без всякого труда, столкнувшись со «стальной пружиной», больно ударившей по его самолюбию, Бадьин не находит покоя, терзаемый вопросом: «с какой стороны подойти к Даше и переломить ее с одного удара» (124).

И с этого времени каждое столкновение с Чумаловым напоминает Бадьину о Даше. В лице Глеба теперь он видит перед собой не только человека, враждебного ему, как руководителю, но и человека, «ставшего так неожиданно между ним и этой женщиной» (124), от которого во многом зависит его победа над Дашей. Чумалов же, со свойственным ему чувством ревности к жене, в Бадьине, в свою очередь, сразу усматривает виновника неудавшейся семейной жизни. Чем дальше, тем больше это подозрение растет, а поведение Бадьина дает повод для этого. Если проследить все встречи Чумалова с Бадьиным, то легко заметить, что каждый раз здесь присутствует и Даша, вольно или невольно обостряющая и без того натянутые отношения предисполкома и Глеба. Возмущение Чумалова Бадьиным растет по мере того, как рушатся его надежды на возможность наладить семейную жизнь, по мере того, как он все больше убеждается в низости некоторых поступков предисполкома.

Сложность образа Бадьина заключается не только в том, что он показан и в плане общественном, и в плане сугубо личном, но и в том, что этот образ писатель не сделал носителем одних только пороков.

Бадьин в изображении Gladкова не лишен и некоторых положительных качеств. Это обстоятельство, наверно, и приводило критиков и читателей, привыкших к тому, чтобы положительные типы рисовались только розовыми красками, а отрицательные — только черными, к утверждению, что образу Бадьина недостает четкости, определенности. Здесь, надо полагать, коренится и одна из причин тех противоположных суждений, которые, как указывалось раньше, встречаются в критике по поводу этого образа.

Бадьин, как он показан Gladковым, несмотря на все свои пороки, не лишен ума, здравого смысла. Вначале скептически встретивший предложение Чумалова о восстановлении завода, он, в конце концов, становится на сторону последнего. Правда, писатель не раскрывает диалектики этого, но переход Бадьина с одной позиции на другую у Gladкова приобретает смысл психологического процесса. Бадьин занимает наступательную позицию по отношению к Шрамму с его беспочвенными аргументами. И позднее Бадьин несколько раз поддержит сторону Чумалова: перед тем же Шраммом и другими учреждениями. Но беда Бадьина в том, что, будучи далеким от конкретных условий живой жизни, от интересов народа, ведя работу, главным образом, из кабинета, он все время на поводу у других, легко поддается их словам, не зная точно настоящего положения дел, отстаивает неправильную линию по тому или другому вопросу.

Бадьин обладает даром политика, умением использовать какой-нибудь конкретный случай в политических интересах. Так, однажды он не посчитался с возражениями Борщия против повторного сбора продразверстки, но когда при выполнении этого приказа произошла стычка между Борщием и Салтановым, своим жестоким обращением с крестьянами вызвавшим их недовольство, Бадьин приказывает арестовать последнего. Об этом он сообщает и казакам, говорит об отмене продразверстки, подчеркивая, что теперь «не о крови — забота, а о земле. Не о людях для боя, а о работниках для полей, о худобе, о мирном труде...» (170). Бадьин отказывается простить Салтанова, так как он считает, что «...всякая склока и ошибки ответработников должны служить уроком не только для них самих, но и для других товарищей» (171).

Возможно, что позиция Бадьина в упомянутой ситуации, как и его выступление во время пуска завода, где он, подавляя свою личную неприязнь к Чумалову, с его демократизмом, самостоятельностью, все же находит нужным отметить его заслуги в деле восстановления завода, и дали повод некоторым критикам воспринять Бадьина как настоящего коммуниста, как «многопудовый молот» революции. Те же, кто в Бадьине видят врага, считают этот эпизод неоправданным, идущим вразрез с характером героя*. Следует, однако, учесть, что за этим выступлением Бадьина уже стоит решение X съезда партии о замене продразверстки продналогом, и этим с Бадьина снимается необходимость рисковать, нести ответственность за самостоятельно решенный вопрос. В словах Бадьина имеются прямые ссылки на выступление Ленина по данному вопросу. Бадьин и здесь остается самим собой: и теперь в его речи слышится тот же тон, не допускающий никаких возражений («будет сделано так, как я сказал» (171)).

* Так, Н. Д. Старицын, который в основном правильно истолковал образ Бадьина, все же не согласен с Gladковым, что тот не сделал Бадьина носителем одних пороков, а увидел в нем и кое-что положительное. «Но в раскрытии этого образа есть один недостаток, — пишет Старицын, — Gladков не всегда выдерживает цельность характера Бадьина. Так, в подглаве «Цыпленок дутый» Бадьин произносит

Гладков не нарушил цельности образа своего героя и в сцене пуска завода. Те, которые здесь замечают только содержание выступления Бадьина, упускают из виду позу Бадьина, позу обособившегося самодовольного вождя, упоенного своей властью над толпами, бурлящими внизу. Речь Бадьина, произнесенная здесь, не противоречит его позе, так как и то и другое помогают раскрыть две стороны сложного и противоречивого характера predispolkoma.

Общественно-исторический смысл типа Бадьина разъясняют и другие фигуры, которые с ним сближены. Уже указывалось на сближение образа Бадьина с образом Чумалова и отмечалось, что это сближение носит характер противопоставления. Но Гладков не ограничивается противопоставлением. Бадьин сопоставляется с целым рядом других образов. Старицын, правильно указавший на использование Гладковым этого приема при раскрытии образа Бадьина, в то же время отмечает только сопоставление его с «костлявым» человеком из комиссии по партийной чистке и «белобрсым интеллигентом» из краевого бюро ЦК, которые «разъясняют Бадьина, как бюрократа», и с Хапко и Суксиним, которые «резче выявляют характер Бадьина в бытовом плане»⁴⁰.

Но ведь у Бадьина есть много общего и с другими героями романа, сопоставление с которыми способствует лучшему раскрытию типичности и общественно-исторического смысла образа. Не один Бадьин не сразу понял идею Чумалова о необходимости скорейшего восстановления завода. Точно так же, как Бадьин, только немного раньше, свое несогласие с планом Чумалова аргументировал и Жидкий, который отнюдь не является отрицательным персонажем. И тот, и другой перешли на сторону бывшего военкома полка лишь после того, как Чумалов доказал несостоятельность их возражений.

И все-таки Бадьин больше всего похож на Шрамма, этого бездумного чиновника, бюрократа до мозга костей, исповедующего культ бумажки, сосредоточившего всю работу «по линии учета и переучета», не видящего ничего дальше своего кабинета. Вследствие таких методов работы именно в совнархозе и нашли себе прибежище явные враги советской власти. Прав Чибис, когда, характеризуя подобное положение, говорит, что «бюрократизм, как система,— это крепкий блиндаж и очень тонкое и часто неотразимое оружие в руках врага. Он над массами, над живой жизнью, он умерщвляет творческую мысль...»⁴¹ Образом Шрамма Гладков как бы показывает, куда может скатиться Бадьин, если не сумеет побороть в себе те черты, которые роднят его с этим бездушным бюрократом. И не случайно, думается, все окружающие главным пороком Бадьина считают его склонность к бюрократизму, к бюрократическим методам работы, руководства. О засилии

перед станичными казаками речь о мире и о труде, которая является одним из лучших мест романа. Бадьину эта речь явно не подходит, лучше было бы, если бы ее произнес кто-либо из положительных героев. Раз писатель характеризует Бадьина как бездушного, самодовольного бюрократа, карьериста, как человека, в котором господствуют самые низменные животные инстинкты,— ничего идеального в этот образ привносить не следует. Это идеальное только раздваивает отрицательный образ, делает его недостаточно ясным». (См.: Н. Д. Старицын, Роман Ф. В. Гладкова «Цемент». Автореферат дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук, Казань, 1955, стр. 16).

⁴⁰ Н. Д. Старицын, Роман Ф. В. Гладкова «Цемент», Автореферат дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук, Казань, 1955, стр. 16.

⁴¹ Федор Гладков, Собр. соч. в 8 т., т. 2, стр. 96. В редакции 1928 года характеристика совнархоза еще расплывчата, лишена той определенности и социальной остроты, которые появились в результате позднейших переработок романа.

бюрократизма в исполкоме говорят Чумалов, рабочий Жук (115), «бюрократ!» (250), — бросает Лухава, выражая свою оценку поведения Бадьина у совнархоза. «Я думаю, что Бадьина голыми руками не возьмешь — хороший деляга, но бюрократ и бабник»⁴², — так определяет поведение Бадьина на службе и в быту Глеб Чумалов. Почти теми же словами характеризует образ predisполкома сам автор в упомянутом письме Карлу Нейгаузу, уже тем самым как бы предостерегая критиков от схематизма, односторонности при его трактовке.

В образе Бадьина Гладкову удалось запечатлеть тот тип бюрократа, о котором хорошо сказал Ленин в марте 1922 года: «Самый худший у нас внутренний враг — бюрократ, это коммунист, который сидит на ответственном (а затем и не на ответственном) советском посту и который пользуется всеобщим уважением, как человек добросовестный. Он немного дерет, но зато в рот хмельного не берет. Он не научился бороться с волокитой, он не умеет бороться с ней, он ее прикрывает. От этого врага мы должны очиститься и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся. Против этого врага и против этой бестолковщины и обломовщины вся беспартийная рабоче-крестьянская масса пойдет поголовно за передовым отрядом Коммунистической партии. На этот счет никаких колебаний быть не может»⁴³. (Подчеркнуто В. И. Лениным. — Д. 4.).

Конфликт Чумалова—Бадьина в «Цементе» не получил полного своего завершения: Бадьин не только что не несет никакого наказания за свои поступки, но, наоборот, даже получает повышение в должности. И это ничуть не противоречит жизненной правде, так как вытекает из той обстановки, которая окружает Бадьина. Со всей прямолинейностью и беспощадностью писателя-реалиста Гладков показывает, что болезнью бюрократизма заражен и товарищ из краевого бюро, ставший в пример другим стиль работы Бадьина; черты формализма обнаружил и комиссия по чистке, не сумевшая правильно оценить некоторых членов партии. Читатель поэтому понимает, что борьба с Бадьиным будет трудной и серьезной, что потребуются большое терпение и воля, чтобы поднять «всех сознательных рабочих и крестьян», всю «рабоче-крестьянскую массу» за передовыми коммунистами на борьбу с бюрократизмом, с его носителями. Главная схватка еще впереди, и она неизбежна, ибо жизнь на каждом шагу доказывает непригодность тех методов, руководства, которые на данном этапе лишь мешают настоящей работе по строительству новой жизни. Образом Бадьина Гладков учит распознавать данного «внутреннего врага» и призывает к борьбе с ним.

Пожалуй, и не так важно то, показал ли писатель порок наказанным или не показал, важнее другое — насколько исторически и художественно правдиво через созданный им образ вскрыл он сущность того или иного явления. Заслугой Гладкова, большой его смелостью, политической зоркостью надо считать то, что он в образе predisполкома Бадьина сумел художественно осмыслить в эпоху военного коммунизма закономерные и объективно возникшие явления и тенденции, которые тогда были вполне оправданными и необходимыми, но в новую эпоху, когда в жизни многое существенно изменилось, превратились в свою противоположность, из прогрессивных стали консервативными, стали настоящим тормозом на пути дальнейшего движения вперед. Бадьин и не был бы Бадьиним, если бы он, подобно Чумалову, понял, что уже

⁴² Федор Гладков, Собр. соч. в 8 т., т. 2, стр. 193.

⁴³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 199.

настало время работать по-новому. В силу своей неспособности перестроиться сообразно новым условиям, новым требованиям, Бадьин из дельного, умного и нужного работника превращается в преграду на пути нового, более прогрессивного.

Особая жизненность и актуальность образа Бадьина заключается и в том, что Гладков, анализируя в нем все возможные последствия тех ограничений демократизма, которые были неизбежными и целесообразными в период военного коммунизма, уже в середине двадцатых годов как бы предугадал начало тех явлений, суть которых в жизни выявилась со всей определенностью только гораздо позднее, в тридцатые годы.

Правда, здесь не следует упускать из виду того обстоятельства, что ограничения демократизма в период военного коммунизма и в период культа личности Сталина были вызваны к жизни совершенно другими социально-историческими причинами. В первые годы после победы революции — это внешние и внутренние трудности строительства нового государства, а во втором случае — огромные успехи на путях созидания новой жизни внутри страны, а также рост авторитета первого в мире социалистического государства на международной арене. Несмотря на это, известные отступления от принципов демократизма и в первые годы советской власти, и в период укрепления политической и экономической мощи социалистической страны породили в некоторых случаях во многом очень схожие явления.

Решения XX и XXII съездов партии, вскрывшие корни и опасные последствия культа личности, весь опыт последнего десятилетия с восстановлением принципов демократизма, ленинских норм партийного руководства помогают полнее оттенить глубину понимания Гладковым тех последствий, которые порождало ограничение демократизма и которые писатель попытался осмыслить и проанализировать в образе Бадьина. И в самом деле, образ Бадьина сродни тому типу, который формировался в годы культа личности, когда грубо попирались принципы демократизма, насаждались методы бюрократизма, когда рядовые строители социализма объявлялись «винтиками», а отдельные лица, с одной стороны, пользовались слишком большими правами по отношению к своим подчиненным, а с другой стороны, сами должны были подчиняться требованиям вышестоящих органов, несмотря на то, что эти требования иногда явно не соответствовали конкретным условиям. В силу этого и сегодня, когда партией вскрыты все эти вредные последствия культа личности, когда ведется борьба со всем, что мешает нашему продвижению вперед, когда делается всё с целью поднять сознательность и активность каждого рядового строителя социализма, образ Бадьина как бы помогает распознать того «классового врага», который часто мешает работе по строительству коммунизма и который порой еще сильно дает о себе знать в методах работы отдельных руководителей, не усвоивших моральный кодекс строителей коммунизма. В этом и заключается общественно-историческое значение типа, осмысленного Гладковым в образе predisполкома Бадьина.

D. CEPELYTĖ

R e z i u m ė

Mūsų literatūros moksle F. Gladkovo „Cementą“ įprasta vertinti kaip kūrinį, kuriame pirmą kartą po revoliucijos buvo taip puikiai nušviesta svarbiausioji to laikotarpio tema — darbas. Tai, žinoma, teisinga, tačiau „Cemento“ turinio negalima apriboti vien darbo tema, nes tai susiaurina romano reikšmės supratimą.

F. Gladkovo „Cementas“ — ne tik romanas apie socialistinį darbą, bet ir platus pirmųjų nepo metų tikrovės paveikslas. Tai ne kartą yra pabrėžęs ir pats autorius.

Gladkovo sukurtas vykdomojo komiteto pirmininko Badijo paveikslas taip pat liudija, kad romano idėjinis tematinis turinys neapsiriboja darbo tema.

Straipsnyje polemizuojama su tais kritikais, kurie Badiją laiko arba dar pavyzdingesniu už Čiumalovą komunistu, arba gudriai besimaskuojančiu tarybinės santvarkos priešu. Be to, pažymima, kad Gladkovo pozicija šio personažo atžvilgiu, priešingai kai kurių literatūros tyrinėtojų nuomonei, aiški ir giliai istoriška. Tai rodo, kad autorius sugeba teisingai orientuotis sudėtinguose vaizduojamos epochos reiškiniuose. Skirtingai nuo kai kurių rašytojų, nepajėgusių atskirti esminių dalykų nuo paviršutiniškų, atsitiktinių, Gladkovas sugebėjo giliai įžvelgti šio laikotarpio esmę, atskleisti tokias tendencijas ir reiškinius, kurių daugelis nepastebėjo arba juos neteisingai suprato.

Badijo paveikslas reikšmė yra ta, kad jame autoriui pavyko istoriniu ir meniniu požiūriu teisingai apibendrinti tas pasekmes, kurias sukėlė tam tikri demokratizmo apribojimai, būtini karinio komunizmo laikotarpiu ir visai netikslingi ar net žalingi perėjimo prie nepo metu.

Tam tikra prasme Badijas giminingas tam tipui, kuris formavosi asmenybės kulto metais, kai buvo pažeidinėjami demokratijos principai. Todėl šis paveikslas aktualus ir šiandien, kai naujos visuomenės sukūrimo uždaviniai reikalauja negailestingai kovoti su viskuo, kas trukdo naujo ir pažangaus vystymuisi.